

Чернышев А.Б.

ЗАО «ВолгАэро», г. Рыбинск, Россия
 Городской общественной научно-экспериментальный фонд «Языковая среда»,
 г. Рыбинск, Россия
 E-mail: alexeich_78@mail.ru

КОНФИГУРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПРЕДЛОГА «ПРИ»

Целью настоящей статьи является анализ пространственных значений предлога «при» в русском языке, моделирующих как его общую семантическую структуру, так и фрагмент «пространство» русской языковой картины мира. Для решения поставленной цели в статье описывается теория грамматики пространства, в частности, выводится понятие динамического пространства, ассоциируемого с движением к объекту через особенности его восприятия человеком. По данным эксперимента И. Рока, делается вывод о том, что объект, который окружает другой объект, или каким-либо иным способом доминирует над ним, имеет тенденцию становиться системой отсчета и в таком качестве выглядит неподвижным.

В основе данного восприятия, несомненно, лежит приписывание природе общинно-родовых отношений и, как следствие, одушевление природы. Эта особенность мировосприятия оказывает решающее влияние на языковое отражение движения и позволяет построить его модель в семантике предлогов. Моделирование семантики предлогов реализуется в рамках подхода, основанного на теории референции. При таком подходе предлог рассматривается как релятор в заданном «сценарии». Сеть значений предлога обуславливается когнитивной моделью, под которой понимается схематизированный ментальный образ, присущий языковой единице. Пространственные значения предлога «при» представлены конфигурациями «сфера распространения активного источника» и «присутствие». Анализ пространственных значений предлога позволяет сделать вывод о том, что предлог «при» моделирует особый тип пространственных отношений, при которых один объект оказывается вовлеченным в сферу действия другого объекта. Эта сфера действия создает некий предел описываемого пространства, позволяя рассматривать именно этот второй объект источником, имеющим «мнимую» активность.

Ключевые слова: пространство, предлог, конфигурация, когнитивная модель, активность

Анализ лингвистической литературы последних десятилетий дает понимание того факта, что отображение окружающей действительности в семантике предлогов связано с субъективным видением пространственных ситуаций [7], [14], [15], в частности ситуаций движения [2], [3], что связано с особенностями их восприятия и преломлением полученной информации в сознании. В основе этого опыта восприятия, отнюдь не являющегося универсальным, лежат культурно-исторические особенности, обуславливающие различия языковых структур. С точки зрения когнитивного подхода, различия в семантике предлогов в системе одного языка объясняются спецификой восприятия отношений между предметами, различия же и возможные случайные соответствия семантической структуры предлогов разных языков являются следствием моделирования фрагментов картины мира. Целью настоящей статьи является анализ пространственных значений предлога «при» в русском языке, моделирующих как его общую семантическую структуру, так и фрагмент «пространство» русской языковой картины мира.

Проблемы описания пространства и семантики предлога

Понятие динамического пространства

Хорошо известно, что в самом широком смысле под пространством понимается форма существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом, задаваемым конкретными объектами на его участке. Такое понимание свойственно статическому пространству как одному из основных его видов. Другой вид пространства, именуемый динамическим, соотносится с понятием движения, что представляет большую проблему с точки зрения его восприятия в рамках психологии.

При попытке определить условия стимуляции или центральные процессы, которые ведут к восприятию движения, И. Рок полагает, что движение воспринимается там, где нечто действительно движется, и это называется восприятием реального движения. Но часто движение воспринимается и в том случае, когда в реальной действительности никакого движения нет.

Воспринимаемые нами впечатления при движении в неподвижном окружении полно-

стью противоречат, по мнению И. Рока, гипотезе о том, что смещение ретинального изображения ведет к восприятию движения объектов. Когда мы движемся или движутся наши глаза или голова, изображения всех неподвижных объектов перемещаются по сетчатке, но вещи не кажутся нам движущимися. Когда же объект воспринимается меняющим свое положение, он видится движущимся. Если изменения в положении объекта связаны с движением наблюдателя, объект будет восприниматься стационарным.

Когда же предмет движется в поле зрения, он меняет свое положение не только относительно наблюдателя, но и относительно всех других видимых вещей. Ссылаясь на эксперимент, И. Рок считает, что относительное изменение играет важную роль в восприятии движения. Сначала одиночная светящаяся точка *a* начинает двигаться, но так медленно, что продолжает казаться неподвижной, то есть скорость движения точки ниже порога обнаружения движения. Точка – единственный видимый предмет. Затем вводится вторая неподвижная точка *b*. Сразу после этого наблюдатель замечает движение. Исходя из этого, И. Рок делает вывод о том, что изменение в относительном расстоянии между точками *a* и *b* приводит к восприятию движения [12, с. 228–229].

При изменении же условия данного эксперимента, когда второй объект был бы светящимся прямоугольным периметром *b* вокруг точки *a* (рис. 1), все наблюдатели, как утверждает И. Рок, видели бы движущимся объект *a*, результат перестал бы быть неоднозначным. Более того, восприятие не меняется, даже если в действительности точка *a* неподвижна, а движется точка *b* (рис. 2). Независимо от того, что движется, воспринимается движение *a*. Если *b* движется вправо, *a* будет казаться движущейся влево.

Очевидно, в этом случае наряду с принципом, согласно которому изменения относительного положения объекта определяют восприятие движения, действует еще один принцип. Объект, который окружает или каким-либо иным способом доминирует над другим объектом (например, в силу своих больших размеров), имеет тенденцию становиться системой отсчета и в таком качестве выглядит неподвижным.

Смещение в таком случае интерпретируется как движение по отношению к такому объекту, сам же объект становится системой отсчета.

Как следствие, «всякое наше собственное движение, – отмечает П.Д. Успенский, – для непосредственного ощущения связано с движением всего кругом нас. Мы знаем, что это движение иллюзорно, но мы видим его как реальное. Предметы поворачиваются перед нами, бегут мимо нас, обгоняют друг друга. Дома, мимо которых мы тихо едем, медленно поворачиваются, если мы едем быстро, они тоже поворачиваются быстро; деревья неожиданно вырастают перед нами, бегут и исчезают». Главным условием этой иллюзорности становится «кажущаяся одушевленность предметов» [13, с. 159].

«Очевидно, что восприятие предметов как «одушевленных» («активных») и «неодушевленных» («инактивных»), – пишет А.Е. Маньков, – образуется не произвольно. Оно складывается в ходе эмпирического познания и наблюдения за предметом [9, с. 82].

Грамматика описания пространства и когнитивная модель предлога

Подходы, основанные собственно на изучении семантики предлога, были связаны с теоретическим осмыслением грамматики описания пространства, что предполагает выделение таких понятий как фигура (локализуемый объект) и фон (релятум).

Е.С. Кубрякова полагает, что если даже первоначально объект (вещь, тело, лицо) вычленяется из «всего остального», постепенно и это остальное должно принимать при его вос-

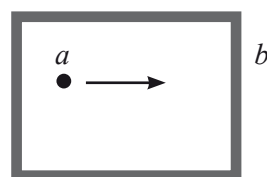

Рисунок 1

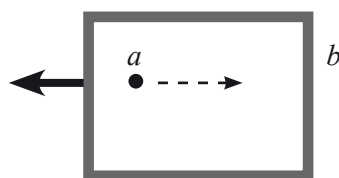

Рисунок 2

приятии более определенную форму. Иначе говоря, если предметы осознаются и осмысляются человеком как определенные части среды или пространства, некие представления должны складываться и для осознания того, что непосредственно окружает человека (фона) и что можно было бы также назвать хронотопом (то есть не только пространством в физическом смысле) [7, с. 254].

«Объекты» вступают в пространственные отношения, описываемые предлогами, с «местами», которые также могут выражаться предметным именем. Большинство пространственных отношений несимметрично: «помещаемый» объект, или фигура, обычно кодируется грамматическим субъектом, а «место», или фон, – грамматическим объектом предлога. Характерные свойства «фигуры» – это мобильность / способность становиться мобильным во времени и пространстве, наличие пространственных или временных границ, меньшие в сравнении с фоном размеры. «Фон» же, напротив, неподвижен, громоздок, часто мыслится как не имеющий границ.

Отдельно исследуются ограничения, накладываемые предлогом на такую разновидность «фона», как «области», у которых релевантными оказываются, в первую очередь, степень близости между фигурой и референциальным объектом, а также направление исходящих из центра референциального объекта основных осей. При этом области пространства вокруг таких направлений «доступны» различным предлогам [16]. Предлоги, по словам И.М. Кобозевой, идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними, абстрагируясь как от специфической формы и величины объектов, так и от расстояния между ними [5, с. 155].

Е.С. Кубрякова считает возможным выдвинуть предположение о том, что в актах локального, ограниченного, простого взаимодействия со средой у человека складывались представления об окружающей его обстановке в целом по его ощущениям непосредственной реальности и, прежде всего, панорамному охвату взглядом среды или пространства. Концептуализироваться и подвергаться категоризации должно было именно то, что входило в «ближайшее окружение» человека и определяло его жизне-

деятельность. Для обозначения такого концепта был выбран наименее нагруженный в функциональном отношении и часто используемый в когнитивной литературе термин «сцена», хотя в равной степени можно было бы обозначить этот исходный концепт как «ситуацию» или «положение дел» [7, с. 256–257].

Ключевая роль предлога в рамках «сценария», отражающего отношение между фигурой и фоном, очевидно, послужила причиной рассмотрения его как «релятора» – термина, возникновение которого было связано с грамматикой когнитивного описания пространства [5, с. 156–157].

Релятором, представляющим собой в подобном описании единицу, задающую отношение между объектами (актантами, термами) согласно формуле $X R Y$, может, в сущности, являться любой лексико-грамматический разряд слов. В разных исследованиях реляторами обозначают, например, глаголы [7], наречия места [5], дискурсивные слова типа *правда, поди, по-видимому, не иначе как* и т. п. [4]. В исследовании Д. Пайара и В.А. Плунгяна используется трактовка предлога как релятора [1, с. 105].

Известен, однако, тот очевидный факт, что далеко не всегда пространственные предлоги как реляторы отражают исключительно пространственные значения, описывая характеристики объектов реального мира. По мнению известных исследователей В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, причина заключается в том, что в естественном языке не может быть готовых обозначений для любого фрагмента действительности. Язык стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом: так, для предлогов особенно важной оказывается семантика предметного имени, с которым они сочетаются. Другая причина гораздо менее очевидна и более дискуссионна. Согласно одной из самых распространенных в современной лингвистике гипотез, многозначные слова, и в их числе пространственные предлоги, имеют так называемую радиальную структуру, в центре которой находится прототип – центральный образ слова, предстающий в описаниях как зрительный. В случае предлогов – это базовое отношение между объектами («пространственная конфигурация»), связанное в представлении носителей

языка с данным словом. Остальные значения выводятся из базового по определенным правилам, суть которых состоит либо в изменении пространственных параметров ситуации, либо в ее метафоризации [11, с. 115–117].

Очевидно, что понимание прототипического значения не является синонимом общего значения. Пространственные значения предлогов и префиксов являются обязательными с точки зрения денотативного аспекта, отражаемого в их семантике. Однако пространственные значения не являются прототипическими. В качестве протосцены могут выступать и переносные значения. Неким аналогом прототипическому значению предлога может выступать когнитивная модель.

По мнению Е.Г. Беляевской, в основе понимания когнитивной модели лежит представление о двухуровневой структуре семантики многозначного слова. На внешнем, поверхностном, уровне располагаются значения (или лексико-семантические варианты) слова. На глубинном уровне располагается когнитивная структура – своеобразная «внутренняя форма», – представляющая собой схематизированный ментальный образ. Когнитивная модель – это «комплекс знаний об обозначаемом, фиксируемый в языковом коде», «максимально обобщенное, схематизированное представление о концептуальном основании значения, выделяющее в значении наиболее важные, узловые моменты». Когнитивная модель является, таким образом, общей для всех значений слова, она повторяется во всех его лексико-семантических вариантах, обеспечивая его тождество во всех контекстуальных реализациях [1, с. 5].

Представляется, что сложный комплекс отношений, фиксируемых предлогом в рамках надинвариантного схематизированного ментального образа – когнитивной модели – позволяет понять специфику и национального языкового сознания с точки зрения языковой картины мира, и общего языкового сознания как процесса и эволюции мышления.

**Когнитивное моделирование
пространственных значений русского
предлога «при»
Конфигурация «сфера распространения
активного источника»**

Что касается пространственных семем, пространственного сегмента предлога «при»,

то выделяются две основные конфигурации: «сфера распространения активного источника» и «присутствие».

Конфигурация «сфера распространения активного источника» предусматривает пространственные отношения между предметами, один из которых является ориентиром с точки зрения места пересечения предметов или событий. Представляется, что этот ориентир становится таковым в силу своих размеров, позволяющих оценить его физическое или пространственное превосходство по отношению к локализируемому объекту. Примеры:

(1) <...> и с этим полком проделал кампании двенадцатого, тринадцатого и четырнадцатого годов, бывши в сражениях **при Бородине, Тарутине, Малом Ярославце, Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге** <...> (Есенков).

Широкое пространство, ассоциируемое с городом или местностью, в данном случае это Бородино, Малый Ярославец, Люцен и т. д., содержит предпосылки его доминирования в отношении предмета, имеющего менее значительные топологические свойства с точки зрения восприятия.

Пространство может ассоциироваться и с более скромной по масштабам местностью, обязательными условиями выступают лишь его способность быть потенциальным ориентиром для сопоставляемого предмета и большие размеры по отношению с сопоставляемым предметом.

Следующее предложение показывает как возможность ориентира, сопровождаемого предлогом «при», нести уточняющий характер:

(2) Домовая церковь **при митрополичьих покоях** была битком набита молящимися (Шильдкрет).

Формально-смысловая фрагментация данного предложения дает следующую логическую последовательность восприятия: 1. церковь расположена в радиусе владений митрополичьих покоев; 2. церковь набита молящимися.

Зачастую при уточнении, связанном с введением в контекст ориентира с предлогом «при», употребляются другие пространственные конкретизаторы. Одним из таких конкретизаторов является слово «начало» в пространственном значении. Примеры:

(3) *И у дороги, в хлебах, при начале уходявшего к горизонту моря колосьев, стояла белоствольная и развесистая плакучая береза* (Бунин).

Ни дорога, ни хлеба не послужили для автора достаточным ориентиром для описания расположения березы. Пространственная зависимость, отражающая сферу влияния, относит к восприятию активного источника – началу моря колосьев.

Употребление предлога «при» позволяет определить местоположения локализуемого объекта именно в сфере релятума, а не в самом релятуме, намекая на условность границ релятума-ориентира с точки зрения восприятия. Например:

(4) *Тем временем Петр сидел в маленьком садочке при домике Иоганна Эхе и весело болтал с его дочерью Эльзой <...>* (Зарин)

Представляется, что в данном предложении вместо предлога «при» в его пространственном значении можно было бы употребить и предлог *у*. Однако при этом исчезла бы и ключевая идея, связанная с восприятием сферы распространения предмета, в данном случае домика. Если предлог *у* проводит условную границу между местом, где сидел Петр, и домом, то предлог «при» вовлекает место пребывания Петра в область нахождения домика, оставляя границы между описываемыми объектами неясными и открытыми.

(5) *Устин, отец Парашкин, жил при большой Новосильской дороге* (Бунин).

Предложение (10) также представляет один из типичных примеров сферы распространения активного источника, не замыкающегося в фиксированной точке пространства, что, несомненно, вызвало бы предпочтительное использование предлога *у*, а не предлога «при» с существительным *дорога*.

Случаи с суженной сферой распространения активного источника, выявляемые при функционировании предлога «при» выявляют те же отношения, основанные на распространении активным источником сферы влияния. Примеры:

(6) *Витя дома переодет в пижаму, при настольной лампе возится с ружьем, «ижевкой» двенадцатого калибра* (Шугаев).

Функциональное предназначение лампы определяет и ее местоположение – на столе, в

каком-то помещении. Местоположение же описываемого в сценарии объекта – Вити – определяется расположением лампы, то есть местом, где Витя занимается ружьем, зависит от места, на котором располагается настольная лампа. Иными словами, актуализируется ситуация, при которой сфера влияния лампы распространяется на то место, где находится человек.

Картину ограниченного пространства, концептуализируемого предлогом «при», демонстрируют следующие примеры:

(7) *«А» он выучил в «Главрыбе», на углу Моховой, а потом уже «Б» (подбегать ему было удобнее с хвоста слова «рыба», потому что при начале слова стоял милиционер* (Булгаков).

Милиционер, закрывая часть слова, сливаясь с ним, становится своеобразным фоном для написанного слова, образуя одновременно единство с этим словом.

(8) *<...> лицо одутловато, уста червонные, волосы кудрявые, персты надутые, и весь – яко немчин, брюхат и толст учинен, лишь сабли при бедре не писано* (Зарин).

Бедро выступает не просто фоном, но своего рода контуром, по которому свисает сабля военного, что образует единство бедра и сабли в рамках ограниченного пространства.

Как показывают приведенные примеры, представляющие тип конфигурации «сфера распространения активного источника», релятум может выступать как в виде одушевленного, так и неодушевленного предмета. Тем не менее, активность предмета обусловлена тем отличительным свойством, что предмет выступает ориентиром, концентрирующим в себе действия, реализуемые локализуемым объектом. Такое представление сцены вполне соотносится с восприятием единства предметов при их совмещении в определенной точке пространства.

Конфигурация «присутствие»

Вторая конфигурация, свойственная пространственному сегменту предлога «при», определяется как «присутствие». Присутствие предусматривает нахождение некоторого участника в пространстве действия других участников. Этот участник контролирует ситуацию и является свидетелем происходящей сцены. Примеры:

(9) <...> но Егор не видит этого, ему все равно, хотя обычно стыдится ругаться **при Вите** (Шугаев).

Основные участники сцены – Егор и человек или люди, с которыми он ругается и которые не эксплицированы в данном предложении. Описываемое действие – ругань. Присутствующий, наблюдающий, свидетель, от которого зависит степень или качество реализации действия – Витя.

(10) <...> Кажется, совсем зверем стал человек, а стóбит только произнести **при нем** имя Покорского – и все остатки благородства в нем зашевеливаются (Тургенев).

Проявление психологических качеств одного участника оказываются зависимым от напоминания о существовании где-то другого человека.

(11) Сидеть я **при нем** скоро привык, а к играм никак притерпеться не мог – все у меня от них вроде морской болезни делалось (Куприн).

В данном примере (11) подчеркивается привычка нахождения рядом с человеком и отсутствие привычки в отношении прочих действий, происходящих по инициативе этого человека.

(12) – Но не раньше, как я приду, а потому **при мне**.

– Я бы хотел не **при вас** (Достоевский).

Участники диалога, обсуждая условия совершения действия, отмечают неизбежность и желание присутствия людей во время исполнения действий.

(13) И потом, **при гостях**, Петр Петрович даже заискивающе кричал на весь дом (Бунин).

В примере (13) основной участник сцены – Петр Петрович, совершаемое им действие – крик. Обстоятельства, при которых происходит сцена, обуславливается присутствием гостей.

(14) Я завтра все расскажу **при всех** (Шугаев).

В примере (14) участником сцены является сам автор. Предмет действия – рассказ. Конкретный адресат рассказа не обозначен, но все присутствующие являются лишь свидетелями совершающегося во взаимном пространстве двух участников действия.

(15) <...> Петр Степанович все как будто смеялся ему в глаза, даже разговаривая, по видимому серьезно, а **при людях** говорил ему самые неожиданные вещи (Достоевский).

В данном примере (15) исполнение действия именно зависит от факта присутствия людей как от конкретных условий. Если условие не выполняется, если нет людей, то вещи принимают иной оборот, происходит иное действие, а именно смех.

(16) Они могли видаться и говорить друг с другом, конечно, **при свидетелях** (Соловьев).

В данном же примере (16) действие участников происходит в присутствии свидетелей.

(17) Первый силач школы Рыков посмеивался над Витей **при девочках** (Шугаев).

Основные участники сценария – Рыков и Витя. Описываемое действие – подшучивание, насмешки одного участника над другим. Интенсификация данного действия обусловлена контролирующими его третьими участниками – девочками.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на очевидную условность выделения конфигураций с позиции когнитивного моделирования, тип конфигурации определяется не взаимодействием семантических параметров предлога «при» и существительного, а всем контекстом. Как было показано выше, лексема «отец» зачастую соотносится с временным, эпохальным представлением о сценарии. Другие же сцены репрезентируют родителей как присутствующих участников, актуализируя конфигурацию «присутствие», например:

(18) Она не ответила и вспыхнула: он говорил теперь совсем не тем тоном, что **при отце** (Бунин).

Таким образом, при конфигурации «присутствие» сфера пространства определяется пределами действия, которыми являются сами участники сценария. Максимально возможный для сценария предел задается третьим участником, чем задается и его активность, и контролируемость события.

Заключение

Понятие динамического пространства связано с опытом восприятия векторного движения одного предмета к другому, при котором важным оказывается учет начального и конечного

положения предметов в результате движения. Языковыми единицами, семантика которых отражает исследуемый фрагмент динамического пространства, выступают преимущественно предлоги, определяемые в теории референции и грамматике описания пространства как реляторы. Феномен многозначности предлога как единицы языка обуславливает выявление его когнитивной модели, представляющей собой абстрактный схематизированный ментальный образ, который позволяет идентифицировать значение предлога в любом контексте. Конфигурации предлога являются способом репрезентации его когнитивной модели.

Предлог «при» в русском языке, наряду с другими пространственными предлогами *в, на,*

к, у моделирует особый тип пространственных отношений, при которых один объект оказывается вовлеченным в сферу действия другого объекта. Эта сфера действия создает некий предел описываемого пространства, позволяя рассматривать именно этот второй объект источником, имеющим «мнимую» активность. В комплексе представленный тип отношений можно определить как функциональное единство предметов в сфере совмещения активного источника. Такое представление способствует выдвижению гипотезы о когнитивной модели предлога «при», в которой выявленные пространственные конфигурации – «сфера распространения активного источника» и «присутствие» – оказываются лишь ее частью.

23.04.2017

Список литературы:

1. Беляевская, Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) / Е.Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов. – 2005. – №1. – С. 5–14.
2. Газизова, Л.В. Пространственно-динамические предлоги со значением «движение из исходного пункта» в английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Газизова. – Уфа, 1999. – 25 с.
3. Голубкова, Е.Е. Опыт построения когнитивной модели частицы *over* в составе английских фразовых глаголов / Е.Е. Голубкова // Концептуализация и когнитивное моделирование мира. – М., 1995. – №430. – С. 30–41.
4. Киселева, К. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / К. Киселева, Д. Пайар. – М.: «Азбуковник», 2003. – 207 с.
5. Кобозева, И.М. Грамматика описания пространства / И.М. Кобозева // Языки пространств. Логический анализ языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
6. Кубрякова, Е.С. О номинативной функции предлогов / Е.С. Кубрякова // Номинация и дискурс: межвуз. сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 1999. – С. 5–9.
7. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
8. Лосев, А.Ф. Мифология греков и римлян / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
9. Маньков, А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А.Е. Маньков // Вопросы языкознания. – М.: Наука. – 2004. – №5. – С. 79–89.
10. Пайар, Д. Предлог над: факты и интерпретации / Д. Пайар, В.А. Плуноян // Исследования по семантике предлогов: сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 83–114.
11. Плуноян, В.А. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог под / В.А. Плуноян, Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов: сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – С. 115–133.
12. Рок, И. Введение в зрительное восприятие / И. Рок. – Кн. 1. – М.: Педагогика, 1980. – 312 с.
13. Успенский, П.Д. Четвертое измерение / П.Д. Успенский. – Мн.: Харвест, 1998. – 832 с.
14. Aurnage, M. A three-level approach to the semantics of space / M. Aurnage, L. Vieu // The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1993. – P. 393–440.
15. Pribbenow, S. Computing the meaning of localization expressions involving prepositions: The role of concepts and spacial context / S. Pribbenow // The Semantics of Prepositions: From Mental Processing to Natural Language Processing. Berlin: Mouton de Gruyter. – 1993. – P. 441–470.
16. Talmy, L. Figure and ground in complex sentences / L. Talmy // Universals of human language. – Vol. 4. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 625–649.

Сведения об авторе:

Чернышев Алексей Борисович, старший переводчик ЗАО «ВолгАэро»,
секретарь Городского общественного научно-экспериментального фонда «Языковая среда»,
кандидат филологических наук
152905, Ярославская область, г. Рыбинск, пр-т Ленина, 163, e-mail: alexeich_78@mail.ru